...286

Е. Гинзбургъ-Гальперина

МІРОВАЯ ВОЙНА

И

СУДЬБЫ

МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА

ПЕТРОГРАДЪ
1916

Ginzburg - Gal'perina, E

Е. Гинзбургъ-Гальперина

Mirovaia, voina i sud'by mezhdunarodnogo

МІРОВАЯ ВОЙНА

И

СУДЬБЫ

МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА

ПЕТРОГРАДЪ
1916

Петроградъ, дозволено военной цензурой 22 мая 1916 г.

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“ Эртелевъ, 13

JZ
1392
.G56
1916
JX
4501
.G55X
Law
27/1022
General war. 16 Ja 17 St. .25

I.

Вихрь разнорѣчивыхъ сужденій закружили происходящія событія, но трудно вообразить себѣ большую разноголосицу, чѣмъ та, что создалась вокругъ вопроса о международномъ правѣ. Чтобы услышать ее, намъ не придется разбѣгаться въ широкомъ обзорѣ; достаточно сосредоточить вниманіе на общественномъ мнѣніи двухъ-трехъ странъ.

Совершенно опредѣленная позиція въ этомъ отношеніи съ самаго начала была занята въ Англіи. Тамъ съ первыхъ дней войны сфера международнаго права была признана включающей наиболѣе жгучіе, неотложные интересы; статьями объ этомъ заполнялись журналы и газеты, спѣшно издавались спеціальныя брошюры. Распространеніе въ населеніи достаточныхъ знаній о международныхъ отношеніяхъ, популяризація идей международнаго права, демократизація международной политики, — были объявлены ближайшими цѣлями. Для этого образовались спеціальныя общества и лиги, устраивались собранія, выносились резолюціи. Юридическія силы страны, казалось, полностью были обращены въ эту сторону правоизученія. Не только рядъ вопросовъ, имѣющихъ характеръ злободневности, каковы вопросы колоніальной политики, торговыхъ договоровъ, справедливыхъ государственныхъ границъ, при-

p 40419

влекаютъ изслѣдователей. Появляются также работы по исторіи международнаго права: начала его развитія, основныхъ этаповъ въ немъ. При этомъ почти всегда указаніе нарочитости избираемыхъ темъ: точно торопятся наверстать потерянное.

Иную картину мы встрѣчаемъ въ Германіи. Правда, и тамъ международное право, со времени войны, привлекало усиленное вниманіе, и ему стали удѣлять свое время лица, обычно этому чуждыя. Но какъ неизмѣримо далеко оно отъ того, что происходитъ въ Англіи. И естественникъ Геккель, и философъ Оствальдъ, и соціологъ Людвигъ Штейнъ,—всѣ съ одинаковымъ жаромъ ринулись въ область международно-правовыхъ построеній. Но напрасно стали бы мы искать въ нихъ положительнаго матеріала. По большей части, здѣсь тотъ же крушащій размахъ, какой несетъ съ собой прусская военная каста. Извѣстно, что нѣмецкій генеральный штабъ, въ противовѣсъ существующимъ международнымъ конвенціямъ, завелъ свой кодексъ установленій. «Идеализму международнаго права» опредѣленно противопоставляются требованія «военнаго реализма». Отсюда положеніе о «принципіальной допустимости» убійства военноплѣнныхъ и въ видѣ респрессалій, и въ случаѣ «крайней необходимости, диктуемой чувствомъ самосохраненія». Отсюда и отказъ отъ статей 26-ой и 27-й конвенцій 1899 и 1907 годовъ. Согласно ст. 26-й начальникъ нападающихъ войскъ, ранѣе чѣмъ приступить къ бомбардированію, за исключеніемъ случаевъ атаки открытою силою, долженъ сдѣлать все отъ него зависящее для предупрежденія о семъ властей. Ст. 27-я требуетъ при осадахъ и бомбардировкахъ принятія всѣхъ необходимыхъ мѣръ къ охранѣ храмовъ, зданій, служащихъ цѣлямъ науки, искусствъ и благотворительности, и историческихъ памят-

никовъ. И то, и другое кодексомъ германскаго штаба отвергнуто за «безсодержательностью и полной несогласованностью со смысломъ войны» [1]).

Не большею обоснованностью блещутъ заключенія нѣмецкихъ профессоровъ-гастролеровъ въ международномъ правѣ. «Oderint—dum metuant—пусть ненавидятъ, лишь бы боялись»,—таковъ исчерпывающій смыслъ спеціальной по этому вопросу статьи Людвига Штейна («Bürger-Zeitung»—ноябрь 1914 г.).

Какъ мало умѣренности по части международныхъ отношеній высказываютъ нѣмецкіе профессора лучше любого изложенія ихъ взглядовъ свидѣтельствуетъ отзывъ редактора «Berliner Tageblatt» Вольфа. Послѣдній серьезно жалуется, что ихъ эксцессы раздражаютъ нейтральныя страны и тѣмъ увеличиваютъ затрудненія Германіи. «Дѣло дошло до того,—писалъ онъ [2]),—что швейцарскій ученый Форель рѣзко заявилъ, что маленькія государства имѣютъ основанія остерегаться Германіи и что Швейцарія должна до послѣдней капли крови бороться противъ плановъ гегемоніи, создаваемой нѣмецкими учеными. У такъ называемыхъ духовныхъ вождей,—рѣзко заключаетъ Вольфъ,—иногда бываетъ меньше политическаго здраваго смысла, чѣмъ у самаго юнаго изъ посольскихъ атташе».

Впрочемъ, банкротство международнаго права провозглашалось и профессорами-спеціалистами. Профессоръ Листъ серьезно отказывался переиздавать свой извѣстный учебникъ, полагая, что стремленія международнаго характера потерпѣли крушеніе равно во всѣхъ обла-

---

[1]) «Современное Слово» и «Рѣчь» — августъ 1914 г., статьи В. Гессена.

[2]) «Berliner Tageblatt»—октябрь 1914 г.

стяхъ. Въ спеціальной статьѣ объ этомъ [1]) онъ доказывалъ, что въ нынѣшнемъ своемъ видѣ международное право окончательно непригодно, что о возстановленіи status quo по заключеніи мира и думать не приходится, а пережитый кризисъ слишкомъ серьезенъ, чтобы не быть рѣшающимъ. Единственно мыслимымъ считалъ профессоръ Листъ возобновленіе международнаго права на совершенно иныхъ началахъ, какъ права центрально-европейскихъ государствъ. Не менѣе рѣшительно толковалъ профессоръ Цорнъ. И лишь небольшая группа съ Шюкингомъ во главѣ, объединившаяся вокругъ мюнхенскаго журнала «Forum» смѣла мыслить иначе. Вѣрный завѣтамъ мирной Гаагской конференціи профессоръ Шюкингъ остался въ сторонѣ отъ пьянаго кроваваго угара. Поэтому онъ по правильному адресу обращалъ свои упреки въ грубомъ попраніи права, вмѣстѣ съ предупрежденіемъ о грозящей отъ этого для государства опасности.

Но прошелъ первый годъ войны, и положеніе международнаго права въ Германіи радикально измѣнилось. Пусть время отъ времени въ повременной прессѣ еще появляются статьи прежняго жанра, но общее направленіе мыслей — рѣзко иное. Тотъ же профессоръ Листъ выпускаетъ новое изданіе своего учебника, профессоръ Цорнъ — всегда недругъ конференціи мира — издаетъ книгу «великихъ и многоцѣнныхъ трудовъ обѣихъ Гаагскихъ конференцій» [2]). И оба трактуютъ «о возрожденіи международнаго права», предвидятъ пышный и небывалый его «расцвѣтъ». Къ задачамъ утвержденія и усовершенствованія международнаго права «на благо человѣче-

[1]) «Hamburger Zeitung».

[2]) См. «Рѣчь» за 1915 г.

ства»,—отнюдь уже не на исключительное благо однихъ средне-европейскихъ государствъ,—призывается ими отечество. Повліяли ли здѣсь уроки практическаго международнаго права, преподанные Германіи Соединенными Штатами, или возымѣло дѣйствіе сознаніе невыполнимости затѣяннаго — рѣшить трудно. Вполнѣ понятное, однако, недоумѣніе вызываетъ метаніе почтенныхъ авторитетовъ.

Но если, при всемъ критическомъ отношеніи, можно прослѣдить извѣстную послѣдовательность между общественнымъ мнѣніемъ Германіи и ея идеалами въ нынѣшней войнѣ,—того же нельзя сказать о Россіи. Германія затѣяла войну для сверженія прежнихъ правовыхъ основъ во имя мірового господства, начала ее съ нарушенія нейтралитета Бельгіи,—ей къ лицу жестокій разносъ международнаго права. Но мы, вступившіе въ борьбу за право, для защиты принципа, по которому слабое государство не можетъ быть уничтожено произволомъ сильнаго, казалось, должны были занять другую позицію.

Между тѣмъ, тотъ же глубокій скептицизмъ въ отношеніи международнаго права съ самаго начала войны охватилъ и русское общество. Несвоевременнымъ и пустымъ представлялось каждое разсужденіе о немъ, горечь и насмѣшку встрѣчало всякое напоминаніе. И потому ли, что дѣло разрушенія такъ соблазнительно легко, но отрицаніе международнаго права, нѣкоторое даже пренебреженіе къ нему, проникло у насъ и въ такіе обывательскіе слои, гдѣ ни истиннаго знакомства съ нимъ, ни даже общихъ правовыхъ представленій ждать не приходилось. Отъ необходимыхъ же доказательствъ или вразумительныхъ поясненій избавляла спасительная, такъ внезапно утвердившаяся «общеизвѣстность».

Не малую въ этомъ роль слѣдуетъ, къ сожалѣнію, признать за нашей періодической печатью. Лишь за немногими счастливыми исключеніями занятое ею положеніе выражалось либо въ полныхъ легкомысленной ироніи статьяхъ, либо въ сознательномъ замалчиваніи. Едва ли есть необходимость вспоминать появлявшійся время отъ времени въ органахъ самаго различнаго направленія матеріалъ на эту тему. До правовыхъ ли нормъ голодному, холодному солдату, отстаивавшему собственную жизнь,—объ этомъ помѣщались и серьезныя статьи; онѣ, вѣроятно, у многихъ въ памяти. Соблюденіе такихъ нормъ безъ колебаній относилось къ числу тѣхъ «деликатностей», на придумываніе которыхъ безнадежно убивается время. Одновременно люди, занимающіеся вопросами международнаго права, представлялись чудаками, лишенными чувства смѣшного. Подъ знакомъ права войны низвергалось и все международное право, находившее подчасъ насмѣшливое изображеніе въ видѣ сиротливо опустѣвшей университетской каѳедры. Естественно, что ни отзвука, ни интереса не находили новыя явленія международной жизни, какъ ни рѣдко было ихъ появленіе за послѣднее время. Таковъ русско-американскій договоръ объ обязательномъ арбитражѣ, который обошли молчаніемъ почти всѣ наши газеты.

II.

Почему же такъ глубоко различно преломилась война въ сознаніи обоихъ союзныхъ народовъ? Не пришлось ли международному праву сыграть роль пробнаго камня для испытанія правового уровня двухъ великихъ странъ, замкнувшихъ Европу съ востока и съ запада?—Отвергая этотъ видъ права, можемъ ли мы признать несуществующими и тѣ формы отношеній, къ регулированію которыхъ оно призвано? Разумѣется, никому изъ насъ не придетъ въ голову отрицать существованіе широко разросшагося международнаго общенія, въ войнѣ ли, въ мирѣ ли, но захватывающаго все болѣе жизненныхъ сферъ. А что всякій общественный союзъ вызываетъ и свой видъ права, что право не есть нѣчто самозарождающееся, и что каждой ступени развитія свойственны свои достиженія права,—это, въ противоположность англичанамъ, нами не вполнѣ усвоено. Поэтому заключенія о несовершенствахъ международнаго права оказывается достаточнымъ для его полнаго отрицанія. Отъ жизни къ праву, или отъ права къ жизни,—вотъ что опредѣлило различіе позицій. Мы подошли къ институтамъ международнаго права со стороны ихъ формы, англичане—со стороны того жизненнаго содержанія, которое въ эту форму было заключено. Мы видимъ ихъ въ оторванности отъ живой связи съ жизнью общества,

поэтому—безплодными, неубѣдительными для ума и ненужными для дѣла; англичане осязаютъ тѣ реальные интересы, на стражу которыхъ они приставлены, и институты эти преисполнены въ ихъ глазахъ значенія и смысла. Мы наблюдаемъ нарушенія принятыхъ правилъ и на этомъ строимъ свое отрицаніе ихъ; англичане разсматриваютъ тѣ безцѣнныя блага, которыя отъ этихъ нарушеній страдаютъ, и справедливо заключаютъ о необходимости довоспитать правовое сознаніе народовъ.

И въ самомъ дѣлѣ, только ли твердая санкція спасаетъ отъ нарушеній? Не знаемъ ли мы установленій, снабженныхъ жесточайшими санкціями, и тѣмъ не менѣе постоянно нарушавшихся? И, наоборотъ, почти лишенныхъ ея, однако, свято исполняемыхъ,—примѣръ—Женевская конвенція о помощи раненымъ. Все въ зависимости, насколько прочно проникло оно въ глубины народнаго духа, насколько отвѣчаетъ правовому уровню. Было время,—и оно не такъ далеко отъ нашего,—когда и помощь раненымъ объявлялась «деликатностью», сочиненной пустыми теоретиками и несовмѣстимой со смысломъ войны. Не сразу такая совмѣстимость и оказалась возможной. Стоитъ вспомнить, что еще въ русско-японскую войну въ нашей печати шли серьезные споры, могутъ ли наши плѣнные врачи оказывать помощь раненымъ японцамъ. Или положеніе военноплѣнныхъ? Сразу ли отъ продажи ихъ въ рабство перешли къ нынѣшнимъ формамъ содержанія? Взглядъ на военноплѣнныхъ, какъ на частную собственность захватившаго ихъ лица, держался упорно и долго. Плѣнные, дѣлившіеся между князьями и воинами, различались, какъ холопы государственные и частные. Ихъ безнаказанно убивали, продавали, какъ скотъ, даже въ чужія страны, вымѣ-

нивали на вещи и употребляли на тяжкія работы. «Плѣнное холопство», какъ особый разрядъ несвободныхъ людей, фигурируетъ и во внутреннихъ законодательствахъ. Интересно, что въ Судебникѣ Іоанна IV плѣнное холопство почитается только личнымъ, а въ Уложеніи 1649 года уже закрѣпляется, какъ полное наслѣдственное [1]). Въ шествіи правовыхъ идей не все шаги впередъ.

Съ трудомъ получаетъ признаніе сначала взглядъ, что военноплѣнный принадлежитъ не отдѣльному частному лицу, но плѣнившему его государству; затѣмъ обычай выкупа изъ рабства уступаетъ мѣсто размѣну. Но что военноплѣнные — не преступники (Kriegsgefangene sind keine Strafgefangene, sondern nur Sicherheitsgefangene),—объ этомъ приходится ломать копья еще въ серединѣ 19-го столѣтія. Рядъ доводовъ и горячее убѣжденіе требуется въ свое время отъ Ваттеля для протеста противъ позволительности казнить смертью гарнизонъ, упорно защищавшій крѣпость и отказывавшійся сдаться. И содержаніе военноплѣнныхъ на положеніи арестантовъ, въ общихъ съ послѣдними тюрьмахъ, представлялось обыденнымъ явленіемъ. Эпоха Наполеоновскихъ войнъ, по сравненію съ предшествовавшимъ вѣкомъ, скорѣе ухудшила судьбу плѣнныхъ. Достаточно вспомнить печальной славы англійскіе понтоны, гдѣ почти сгнивали заживо плѣнные французы. Самъ Наполеонъ также придерживался принципа не усиливать арміи противниковъ возвращающимися изъ плѣна, поэтому ни обычай выкупа, ни размѣна не находилъ въ немъ своего сторонника [2]).

---

[1]) А. Лохвицкій —«О плѣнныхъ по древнему русскому праву».
[2]) S. Maine—«La Guerre».

Еще позже начинаетъ колебаться взглядъ на частную собственность военноплѣнныхъ, какъ на законную добычу солдатъ. Не только извѣстные полководцы, какъ Наполеонъ, Суворовъ, Веллингтонъ, но и законодатели—государственные умы узакониваютъ грабежъ военноплѣнныхъ. Уже нѣсколько ограничительныя въ этомъ отношеніи, спеціальныя конвенціи-картели (между Австріей и Пруссіей 1741 г. и между Россіей и Пруссіей 1759 г.), и тѣ включаютъ разрѣшеніе «слегка пограбить» побѣжденнаго (bischen plündern). Теоретики Mohl, Klüber, Уайтонъ, Саальфельдъ еще поддерживаютъ этотъ взглядъ на частную собственность военноплѣнныхъ. Медленно очищается путь для признанія положенія «tout ce qui leur (aux prisonniers) appartient personnellement, les armes excepteés, reste leur propriété»[1]) (Брюссельская декларація § 23).

Лишь съ разрушеніемъ представленія о военноплѣнныхъ, какъ о тяжкихъ преступникахъ, входитъ и право ихъ на охрану консулами дружественныхъ державъ, такъ же какъ право сношеній съ родиной. Съ этимъ же въ связи было признано право военноплѣннаго на судебную защиту и покровительство законовъ плѣнившаго его государства. Интересно упомянуть, что еще во время франко-прусской войны 1870 года было нѣсколько случаевъ преступленій, совершенныхъ французами надъ германскими плѣнными и оставшихся безнаказанными, на что послѣдовала жалоба со стороны Бисмарка. Французское правительство признало жалобу справедливой[2]).

Чтобы осознать путь, пройденный идеями международнаго права, чтобы оцѣнить его,—экскурсіи въ область

---

[1]) Все, что принадлежитъ плѣннымъ лично, исключая оружія, остается ихъ собственностью.

[2]) Eichelmann—«Uber die Kriegsgefangenschaft».

исторіи, пожалуй, лучшее средство. И для голословныхъ отрицателей международнаго права (есть среди нихъ и юристы) не лишнее воскресить нѣсколько картинокъ изъ добрыхъ старыхъ временъ. Вспомнимъ тяжкій институтъ берегового права (droit de naufrage), по которому иностранцы, терпѣвшіе кораблекрушеніе, со всѣмъ своимъ имуществомъ становились добычей прибрежныхъ жителей. Лица обращались въ рабовъ, а корабль и грузъ присваивались сначала жителями, затѣмъ и самими территоріальными владѣльцами [1]).

Извѣстно, что нынѣ международное право *обязываетъ* прибрежныя государства не только предоставлять на помощь находящимся въ опасности чужимъ кораблямъ общественныя учрежденія, предназначенныя для спасенія кораблей, но также, по мѣрѣ возможности, помогать лицамъ, потерпѣвшимъ крушеніе, и защищать ихъ имущество [2]). Уже необходимость международнаго регламента, во избѣжаніе столкновенія судовъ, соглашеніе относительно общественныхъ знаковъ въ моряхъ,—не вѣха ли на указанномъ пути? А борьба съ пиратствомъ, съ торгомъ невольниками,—все достиженія по плечу лишь мѣрамъ международнаго обязательственнаго характера.

Въ свое время существовалъ обычай закрѣпощенія всѣхъ иностранцевъ, прибывшихъ въ страну безъ спеціальнаго дозволенія, откуда характерная поговорка, что «самый воздухъ страны порабощаетъ человѣка» (die Luft macht eigen). Это такъ называемое — Wildfangsrecht [3]). Въ случаѣ же допущенія иностранца на свою террито-

---

[1]) Ивановъ — «Характеристика международныхъ отношеній и международнаго права въ историческомъ развитіи».

[2]) Блюнчли—«Современное международное право» § 337.

[3]) Блюнчли—op. cit.

рію, сначала—феодалами, затѣмъ—королевскою властью присваивалось исключительное право на наслѣдованіе его имуществомъ, — особое droit d'aubaine. Отмѣненное усиліями Великой французской революціи, оно затѣмъ снова частично возстанавливается при Наполеонѣ.

III.

Международное право не слѣдовало иной судьбѣ, чѣмъ право вообще. Каждый шагъ его встрѣчаетъ упорное противодѣйствіе; въ немъ съ сознательными противниками соединяютъ свои усилія и люди плохо оріентирующіеся. Но если внутреннее право, вовлекая въ процессъ своего образованія все больше народныхъ элементовъ, рѣже и рѣже встрѣчаетъ въ рядахъ своихъ противниковъ людей просто непонимающихъ, — другое наблюдается въ международномъ правѣ. Международная жизнь стоитъ дальше отъ каждаго отдѣльнаго человѣка, чѣмъ жизнь народная, а участіе въ ея нормировкѣ онъ принимаетъ нерѣдко лишь черезъ посредство государства, къ которому принадлежитъ. Отсюда его отчужденность отъ вопросовъ международнаго права, отсюда и недостатки этого права. Это поняли сейчасъ въ Англіи; наблюдающееся тамъ движеніе въ пользу вовлеченія въ сферу образованія международнаго права самыхъ широкихъ слоевъ населенія является правильнымъ изъ этого выводомъ.

У насъ, напротивъ, было сдѣлано все, чтобы отпугнуть широкую публику отъ этихъ вопросовъ, чтобы зародить безнадежность. Вотъ что въ августѣ прошлаго года проповѣдуетъ авторитетный, широко распространенный демократическій органъ въ руководящей своей

статьѣ.—«Право войны» — самыя эти слова звучатъ, какъ внутреннее противорѣчіе, и, дѣйствительно, въ томъ, увы, довольно проблематически правовомъ собраніи нормъ, какое именуется международнымъ правомъ, правила о веденіи войны являются наиболѣе проблематической частью. Не было ни одной войны, когда подобныя нормы не нарушались бы всѣ вмѣстѣ и каждая порознь. Вѣдь, если даже такой, обладающій максимумомъ мыслимой международной крѣпости, договоръ, какъ нейтралитетъ Бельгіи и Люксембурга, былъ опрокинутъ простымъ соображеніемъ, что, какъ сказалъ въ рейхстагѣ Бетманъ Гольвегъ, «необходимость упраздняетъ всѣ законы», то участь чисто моральныхъ, гуманитарныхъ нормъ не могла быть иной, чѣмъ она оказалась на самомъ дѣлѣ уже въ эти первые дни вооруженныхъ столкновеній».

Правда, въ сентябрѣ слѣдующаго года тотъ же органъ, и также въ руководящей статьѣ, пишетъ діаметрально противоположное.—«Казалось идея международнаго права разбита навсегда и никогда не воскреснетъ какъ реальная вліятельная сила. И все же, лишь только сгладились настроенія первыхъ мѣсяцевъ, идея эта понемногу начинаетъ возвращать себѣ прежнее мѣсто. И, поскольку военная необходимость позволяетъ, она начинаетъ находить все большее практическое примѣненіе... И это совершенно естественно. Не абстрактныя идеи гуманности и не романтическіе порывы чувства, а вполнѣ конкретные практическіе интересы были до сихъ поръ главнымъ двигателемъ развитія международнаго права. Эти интересы требуютъ и теперь соглашеній о нѣкоторыхъ пріемахъ войны. Чѣмъ больше затягивается война, тѣмъ болѣе властнымъ становится голосъ этихъ интересовъ».

Должно было протечь 13 мѣсяцевъ, чтобы за «чисто моральными гуманитарными нормами» газета узрѣла силу вполнѣ конкретныхъ практическихъ интересовъ. И хорошо, разумѣется, что хоть въ концѣ-концовъ узрѣла. Но ужъ ни о руководящей роли, ни о воспитательномъ вліяніи говорить въ такихъ обстоятельствахъ не приходится. Та же импульсивная, обывательская психологія: вѣдь если даже такой, первостепенной важности договоръ, какъ нейтралитетъ Бельгіи, нарушенъ, такъ что ужъ и толковать. Точно существуютъ нормы, никогда не нарушавшіяся, точно отвѣтомъ на нарушеніе не была героическая борьба Бельгіи и выступленіе Англіи.

А вотъ, полное пренебрежительности, отношеніе къ нормамъ войны другого не менѣе распространеннаго демократическаго органа. «...Очевидно, *по правилу* войны ведутся въ бѣлыхъ перчаткахъ, но случаются и такіе уроды, которые воюютъ безъ перчатокъ». И еще: «Война—это война. На войнѣ величайшія произведенія искусства, одухотвореннѣйшія произведенія превращаются въ «мѣстные предметы», и если условіемъ побѣды является разрушеніе предмета, артиллеристъ будетъ, онъ долженъ его разрушать, иначе онъ плохой воинъ» [1]). Другой вліятельный публицистъ считаетъ возможнымъ потѣшаться надъ отстаиваніемъ принциповъ международнаго права въ такомъ духѣ:—«Существуетъ въ книгахъ международное право; значитъ, война стрѣляетъ не изъ пушекъ, а изъ параграфовъ; если же какой-нибудь озорникъ, въ видѣ исключенія, забудетъ на войнѣ о международномъ правѣ, такъ будемте возмущаться...» [2]).

---

[1]) «День» 3 декабря 1914 г.

[2]) «День» 5 декабря 1914 г.

Сюда же слѣдуетъ отнести негодующіе протесты противъ Плеханова за одно то, что онъ признавалъ необходимымъ защиту въ этой войнѣ законовъ права и нравственности [1]).

Матеріалъ глубоко показательный и, какъ къ нему ни подойти, очевидно одно: пусть не мало интереснаго вскрыла для насъ нынѣшняя война, но уясненный ею недостатокъ правовой воспитанности среди тѣхъ, что состоятъ воспитателями широкихъ массъ, едва ли наименѣе въ этомъ поучительное. Лишь какъ слѣдствіе этого недостатка, какъ его естественный результатъ приходится принять и то, казалось бы, странное явленіе, что люди, выступающіе наибольшими противниками войны, санкціонируютъ наибольшія проявленія насилія въ ней.—Плохъ тотъ воинъ, который пощадитъ чудесный соборъ, рѣдкую библіотеку, если условіемъ побѣды будетъ разрушеніе ихъ.—Вѣдь это тотъ же взглядъ, который столѣтіями служилъ исходной позиціей для борьбы противъ какихъ бы то ни было ограниченій господства грубой силы на войнѣ. На него, съ полнымъ сознаніемъ своей правоты, ссылались какъ тѣ, что оспаривали недопустимость отравленнаго орудія, такъ и тѣ, что отстаивали обычай добиванія раненыхъ. Отрѣзать новые источники питанія непріятельской арміи насчетъ новыхъ людскихъ запасовъ,—не одно ли изъ условій побѣды? Прибавимъ: тѣмъ болѣе вѣрное для нашего времени, когда изъ числа раненыхъ на полѣ сраженія около 75% возвращаются обратно въ ряды арміи [2]). Съ этой точки зрѣнія недопустима вся организація Краснаго Креста. Мы знаемъ

---

[1]) «Совр. Міръ» 1915 г. № 8—9, ст. Плеханова.

[2]) Отчетъ французскаго санитарнаго совѣта.

также, что подобныя возраженія, и не такъ давно, дѣйствительно, имѣли мѣсто [1]).

Наполеонъ I незамѣнимымъ психологическимъ условіемъ побѣды считалъ разрѣшеніе солдатамъ пограбить. Отдача на потокъ и разграбленіе одного-двухъ захваченныхъ у непріятеля селъ или городовъ учитывалась имъ какъ вѣрный залогъ будущаго военнаго успѣха. Можно пойти и далѣе по этому пути. Мнѣніе, что чѣмъ жесточе война, тѣмъ она скорѣе и вѣрнѣе приводитъ къ побѣдной цѣли, породило въ Германіи цѣлую плеяду писателей. Къ нимъ приходится отнести и швейцарскаго полковника Рюстова, писанія котораго могутъ фигурировать какъ образчикъ нелѣпости въ этомъ родѣ. Утверждая свой принципъ дозволенности на войнѣ всѣхъ средствъ устрашенія непріятеля, онъ доходитъ до предложенія «обрѣзывать населенію завоеванной территоріи уши мало-по-малу и при употребленіи смягчающихъ средствъ» [2]).

Когда видишь, къ чему, такимъ образомъ, ведетъ послѣдовательная нить допущеній, естественно заключаешь: не все ли равно, какое руководящее чувство приводитъ къ оправданію пущей жестокости, — увлеченіе войной или отвращеніе къ ней. И не падаетъ ли большая доля отвѣтственности за несоблюденіе принятыхъ нормъ именно на этихъ противниковъ войны, въ виду ихъ большаго моральнаго авторитета? Извѣстныя уступки праву въ войнѣ, какъ бы ни были онѣ незначительны, существуютъ,—отрицатьэтого нельзя. А разъ

---

[1]) G. Moynier—«La Croix Rouge».

[2]) Сборникъ статей — «Право и миръ въ международныхъ отношеніяхъ».

существуютъ однѣ, почему нельзя разсчитывать на осуществимость другихъ? Конечно, ни дѣйствительная сила первыхъ, ни вѣрное достиженіе вторыхъ невозможны внѣ крѣпкаго убѣжденія въ ихъ насущности, внѣ готовности въ любой моментъ ихъ отстоять.

IV.

Путь завоеваній права, его движенія впередъ, нельзя безнаказанно принижать до уровня чисто механическаго процесса. Конечно, нѣтъ права внѣ времени и пространства, его не отдѣлить отъ окружающей среды, не оторвать отъ связи съ историческими условіями, но нужно ли говорить, что все это не затемняетъ, но лишь подчеркиваетъ самый значительный моментъ въ образованіи права, это—живое участіе людей. Иначе были бы nonsens'омъ понятія отсталаго права, не отвѣчающихъ потребности нормъ, такъ же, какъ трудно возможна была бы утеря однажды завоеванныхъ правъ. А вѣдь, казалось, намъ ли не знать всей возможности подобныхъ явленій. Право сильно не бумажной резолюціей, но постоянной готовностью ополчиться на его защиту. Въ своемъ нормальномъ дѣйствіи почти незамѣтное, усвоенное такъ же естественно, какъ воздухъ страны, оно сразу пріобрѣтаетъ всю свою первоначальную значительность при малѣйшемъ посягательствѣ на него. Этимъ такъ крѣпко право англійскаго народа, и исторія его почти не знаетъ сданныхъ позицій. Кстати будетъ привести, какъ то же явленіе нарушеннаго нейтралитета Бельгіи было воспринято бельгійскимъ демократомъ Верхарномъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ свирѣпствуешь ты, опустошительная война, слова: миръ, свобода, право и спра-

ведливость стали снова дѣйствительными и прекрасными. Недавно еще они казались руинами, занесенными пескомъ и пылью. Но какъ только дерзновенный попираетъ ихъ ногами, они начинаютъ сверкать подобно громовымъ стрѣламъ подъ пятами Архангела Михаила». И развѣ весь бельгійскій народъ не доказалъ своего дѣйственнаго согласія съ поэтомъ. Пассивность при нарушеніи права, вялая разочарованность на мѣстѣ живой активности,—не тѣ ли черты, которыя вызвали къ жизни гордое такое, порою обидное, утвержденіе, что всякій народъ заслуживаетъ своего правительства, заслуживаетъ своего права.

Трудно сказать, чтобы нами не усвоены были эти простыя понятія въ отношеніи внутренняго права. Но удручающую на ихъ мѣстѣ пустоту обнаружила міровая война въ нашемъ отношеніи къ международному праву. Мнѣ едва пришлось коснуться подтверждающаго это матеріала. Интересующіеся легко отыщутъ его въ любомъ изъ большинства нашихъ органовъ печати за первый годъ войны. Понятія права, нарушенной справедливости въ области международныхъ отношеній оказались почти лишенными содержанія. Отсюда высокомѣрная критика, отсюда и неустойчивость взглядовъ. Можно бы думать, что эта чрезвычайная сосредоточенность на вопросахъ внутренняго права вызвала извѣстное пренебреженіе къ международному праву. Но такому объясненію даже при самомъ поверхностномъ разсмотрѣніи не оказывается мѣста. Слишкомъ тѣсно національные, государственные интересы переплелись съ интересами международнаго союза, чтобы задачи внутренняго законодательства могли удачно разрѣшаться внѣ соображенія съ послѣдними. Съ ростомъ культуры зависимость эта все усиливается. Развивающаяся жизнь

непрестанно ставитъ новыя цѣли, осуществленіе которыхъ не подъ силу отдѣльному государству. Хотя и диктуемые реальными интересами собственныхъ подданныхъ, онѣ не могутъ быть осуществлены иначе, какъ соединенными усиліями связанныхъ между собою странъ.

Дѣйствіе идеи права давно вышло за предѣлы обособленной территоріи, и лишь народы, застывшіе на низшей ступени развитія, въ состояніи удовлетворять свои потребности, не черпая для себя изъ новыхъ формъ правового общежитія. Вліяніе международнаго общенія не останавливается передъ границами государствъ; оно проникаетъ въ сферы національной жизни. Ему принуждены уступать даже наиболѣе прочныя, исторически и самобытно сложившіяся, правовыя установленія. Много вѣковъ держался въ Англіи взглядъ, что англійскій подданный никогда не можетъ выйти изъ своего подданства, что разъ подданный — всегда подданный (once a subject always a subject) [1]). Съ другой стороны,—иностранцы, какъ бы продолжительно ни было ихъ пребываніе въ Англіи, всегда оставались въ чужомъ подданствѣ. Особымъ парламентскимъ актомъ о натурализаціи 1870 года англійское правительство капитулируетъ передъ требованіемъ международныхъ отношеній. Ничто иное, какъ попытку приспособленія къ властному требованію международнаго права представляетъ германскій законъ двойного подданства. А взаимное урегулированіе предѣловъ дѣйствія законовъ о бракѣ, разводѣ, правѣ наслѣдованія, объ опекѣ и попечительствѣ. Но не только эта область частныхъ правъ насквозь пропитана духомъ международныхъ отношеній. Не обходится безъ его воздѣйствія и такая, казалось бы, независимая сфера, какъ внутреннее управленіе.

---

[1]) «Международный союзъ и его право» по ст. Гольцендорфа.

Цѣлый рядъ административныхъ органовъ международнаго характера возникаетъ на мѣстѣ старыхъ административныхъ учрежденій. Снабженные компетенціей и средствами дѣйствія надтерриторіальной власти, они въ корнѣ измѣняютъ представленіе объ административныхъ правахъ, какъ нѣкоей неотъемлемой регаліи каждаго независимаго государства. Къ этому естественно приводитъ невозможность обойтись собственными силами для удовлетворенія растущихъ потребностей гражданъ. Союзы: почтовый, телеграфный, таможенный, желѣзнодорожный, международная ассоціація для измѣренія земли, союзъ мѣръ и вѣсовъ, рѣчныя комиссіи, — это только главнѣйшіе. Не осуществимы безъ мѣръ международнаго правового характера и такія явленія государственной жизни, какъ борьба съ эпидеміями, эпизоотіями, регулированіе переселеній. Не осуществима, внѣ солидарной помощи государствъ, даже такая функція власти, какъ отправленіе правосудія. Взаимная выдача преступниковъ, примиреніе различныхъ національныхъ законовъ по дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ возможны лишь при вмѣшательствѣ началъ международнаго права. Съ другой стороны—необычайное развитіе интеллектуальной жизни влечетъ возникновеніе особой формы международныхъ союзовъ, союзовъ соціальныхъ интересовъ. Международные союзы криминалистовъ, врачей, естествоиспытателей, промышленные, торговые, сельско-хозяйственные, а для непосредственной защиты ихъ интересовъ—особая международная унія для охраны промышленной собственности (патенты на изобрѣтенія, промышленные рисунки и модели, фабричныя марки, коммерческія фирмы), также международная унія для охраны литературныхъ и артистическихъ произведеній.

V.

Насколько неотдѣлимъ прогрессъ внутренняго права отъ уровня международно-правовыхъ понятій особенно ярко обнаружила великая французская революція. Эпоха расцвѣта національнаго законодательства оказалась неразрывно и эпохой яркихъ достиженій въ области идей международнаго права. Постигшая идеалъ свободнаго гражданина государства, она тѣмъ самымъ впервые поднялась до представленія о свободномъ гражданинѣ вселенной. Интересный матеріалъ здѣсь достаточно обширенъ для спеціальнаго изслѣдованія; я позволю себѣ привести лишь немногое.

— Граждане различныхъ странъ—братья. И государства обязываются взаимной поддержкой, подобно гражданамъ одной страны. Нарушающій права другого государства объявляется общимъ врагомъ [1]).—Эти положенія были провозглашены основаніемъ новой системы международныхъ отношеній. Диктуемыя ими мѣры практическаго характера разсыпаны въ различныхъ конституціяхъ и декретахъ. Среди нихъ—разрѣшеніе иностранцу пользоваться покровительствомъ общихъ законовъ, отмѣна droit d'aubaine, какъ права тирановъ (droit de ty-

---

[1]) Déclaration des droits de Robespierre—см. Laurent, t. XV.

rans) [1]), распространеніе защиты уголовнаго кодекса на личность военноплѣннаго (les crimes et délits commis sur la personne d'un prisonnier seront punis comme s'ils étaient commis sur la personne d'un citoyen français [2]). Есть торжественныя постановленія Національнаго Собранія, и сейчасъ, по прошествіи столькихъ лѣтъ, имѣющія характеръ жгучей злободневности. Напримѣръ:

— Ни одинъ народъ не имѣетъ права посягнуть на независимость другого государства, на его территорію, его естественныя преимущества (avantages). Всякая война, предпринятая съ другой цѣлью, нежели самозащита, есть актъ насилія, противъ котораго должно соединить общія усилія, т. к. нападеніе одного государства на другое угрожаетъ свободѣ и безопасности всѣхъ прочихъ.

Осужденіе завоевательныхъ тенденцій красной чертой проходитъ сквозь философію того времени. Оно побуждаетъ Руссо воскликнуть: «Кто хочетъ отнять свободу у другихъ, кончаетъ почти всегда потерей собственной свободы. Это вѣрно для королей, тѣмъ болѣе вѣрно для народовъ». Это же вызываетъ воспоминаніе о судьбѣ Рима съ пророческимъ указаніемъ на неизбѣжность подобной судьбы для всѣхъ народовъ-завоевателей, народовъ, объявляющихъ себя недругами рода человѣческаго. Баронъ Гольбахъ предлагаетъ разсматривать завоеваніе, какъ безцѣльную кражу, способную лишь возбудить безчисленныхъ враговъ, вызвать без-

---

[1]) La Constitution de 1791.

[2]) Décret de la Convention Nationale 1792—см. Laurent, t. XV—«преступленія и проступки, совершенные противъ личности плѣннаго, будутъ наказываться, какъ если бы они были совершены противъ личности французскаго гражданина».

конечныя и разорительныя войны. И при этомъ, даже у незамѣтныхъ авторовъ твердая увѣренность, что если въ семьѣ народовъ заведется такая угроза (un peuple continuellement en armes [1]), то нормальныя международно-правовыя отношенія — невозможны.

---

[1]) См. у Лорана ссылку на «Morale universelle».

VI.

Уроки французской демократіи не грѣхъ бы припомнить и въ нынѣшнюю годину. Это не мало помогло бы усвоенію правильной позиціи въ развернувшихся событіяхъ. И ужъ, во всякомъ случаѣ, не могла бы найти вѣры нелѣпая сказка объ «освобожденіи угнетенныхъ народностей» при помощи германскаго оружія. Западная демократія не пошла на эту удочку. Напротивъ, всѣмъ своимъ авторитетомъ она стала на сторону безпощадной борьбы съ германскимъ милитаризмомъ. Въ перспективѣ господства грубой матеріальной силы она справедливо усмотрѣла могилу свободы, демократіи, права.— Чѣмъ большими пацифистами мы были вчера,—формулируетъ общее настроеніе Эрве,—тѣмъ воинственнѣе должны быть сегодня, ибо знаемъ, что ведемъ войну противъ войны.

У насъ, нельзя обойти правды, нашлось мѣсто и для противоположныхъ мнѣній. Есть группа людей, при томъ почитающихся за подлинныхъ друзей народа, которые въ германскомъ кулакѣ готовы были привѣтствовать мечъ, разящій старыя негодныя формы жизни. Торжество національнаго права цѣною пораженія всѣхъ основъ международнаго права, — сколько внутренняго противорѣчія и наивности въ этомъ представленіи. Исторія заклеймила бы, какъ глубоко позорную, эту особую «по-

раженческую» психологію, если бы атмосфера тяжкаго безправія не давала ей достаточно оправданія. Откуда, въ самомъ дѣлѣ, было черпать правильное правовое воспитаніе?

Но нельзя умолчать, что истинное пониманіе народнаго интереса всего болѣе чуждо этому своеобразному взгляду. Слишкомъ очевидно противорѣчіе между торжествомъ германскаго милитаризма и культурно-правовыми интересами современнаго человѣчества. Сомнѣваться въ этомъ, — значитъ, въ сущности, переносить споръ въ плоскость азбучныхъ положеній. Возможно ли развитіе права, возможно ли самое существованіе международнаго права въ условіяхъ закрѣпощенія всего міра однимъ государствомъ? По самой природѣ своей всякій *правовой* порядокъ неизмѣнно предполагаетъ наличность общей воли, его поддерживающей, существованіе извѣстнаго соглашенія. Ограничивая одну волю, право тѣмъ самымъ утверждаетъ другую, необходимость одной—свобода другой, отчего, какъ результатъ, за обѣими устанавливаются особенныя права и особенныя обязанности. И то, и другое—въ видахъ достиженія наибольшихъ взаимныхъ выгодъ. Вѣрное для общенія людей—повторяется и въ общеніи государствъ. Какъ отдѣльный человѣкъ ограничивается бытіемъ другихъ, ему подобныхъ, также и государство, въ силу существованія рядомъ другихъ сходныхъ съ нимъ организмовъ, принуждается къ самоограниченію, по выраженію Іеллинека — къ «самообязыванію» (Act der Selbstverpflichtung) [1]). Это взаимное самообязываніе, диктуемое общимъ интересомъ, и создаетъ для нихъ право. Съ момента, когда одно государство достигаетъ исключитель-

[1]) Iellineck—«Die rechtliche Natur der Staatenverträge».

наго и абсолютнаго преобладанія, падаетъ для него необходимость признавать обязательными для себя какія бы то ни было нормы. Оно не считаетъ болѣе своей индивидуальной воли связанной предписаніями общей воли. Напротивъ того, едва становясь въ положеніе, при которомъ ему не приходится болѣе ни съ кѣмъ считаться, оно единственнымъ обязательнымъ правиломъ поведенія полагаетъ свои интересы, свои желанія, свои претензіи. Такимъ образомъ, рушатся обѣ посылки международнаго права: положительная—это доставленіе соединеннымъ государствамъ такой пользы и такихъ выгодъ, которыхъ бы они не могли достигнуть единичными средствами и силами, и отрицательная — противодѣйствіе нарушенію правъ отдѣльныхъ государствъ, входящихъ въ международный союзъ.

Право, выраженное верховной волей одного государства, и его самого, въ силу этого, не связывающее ни съ матеріальной, ни съ формальной стороны, — *международнымъ правомъ* не будетъ. Подтвержденіе авторитетами здѣсь едва ли требуется. Но умѣстнымъ, мнѣ кажется, будетъ вспомнить рѣшительныя мнѣнія по этому поводу двухъ корифеевъ *нѣмецкой* литературы по международному праву—Блюнчли и Гефтера. «Возрастающая сила международнаго права,—писалъ послѣдній,—зависитъ отъ прочности равновѣсія государствъ, опирающагося какъ на равенство матеріальныхъ ихъ силъ, такъ и на взаимное уваженіе» [1]). «Безусловное всемірное господство одного народа, — полагалъ Блюнчли, [2]) — есть уже отрицаніе международнаго права въ самомъ прин-

[1]) Гефтеръ — «Европейское международное право».

[2]) Блюнчли—«Современное международное право цивилизованныхъ государствъ».

ципѣ. Античный міръ не создалъ международнаго права, потому что эгоистичные древніе, даже образованные, народы были несправедливы относительно чужеземцевъ— эллинъ и варваръ». Но старый профессоръ не ограничивается теоретическимъ положеніемъ. Онъ переходитъ къ жизни. Привѣтствуя объединеніе германскаго народа, онъ выражаетъ радость, что «эта современная германская имперія совершенно отлична отъ прежней средневѣковой «римской имперіи германской націи». Германскій императоръ не заявляетъ, подобно прежнимъ римскимъ императорамъ, высокомѣрнаго притязанія на imperium mundi. Онъ не желаетъ болѣе господствовать надъ другими народами и государствами; онъ, напротивъ, признаетъ полную свободу и независимость за другими государствами. Служа крѣпкимъ залогомъ для европейскаго мира, онъ не угрожаетъ ничѣмъ европейскимъ народамъ... Мы очень хорошо понимаемъ, что съ новымъ, высшимъ положеніемъ нѣмецкаго народа увеличились и обязанности послѣдняго относительно человѣчества. Намъ чужда варварская племенная ненависть. Мы не видѣли бы успѣха въ томъ, если на самомъ дѣлѣ, какъ многіе опасаются, нѣмецкое высокомѣріе вытѣснило бы и замѣнило собою французское тщеславіе» [1]).

Въ 1872 году, въ октябрѣ мѣсяцѣ, писались эти строки, полныя любви и трогательной вѣры. Съ тѣхъ поръ то, въ чемъ не видѣлъ для своей родины успѣха Блюнчли, исполнилось превыше мѣры. Родившаяся подъ грохотъ войны германская имперія въ войнѣ заключила всю свою мощь, всю силу для дальнѣйшаго развитія. Это оттуда во множествѣ варіацій разошлись по міру

[1]) Блюнчли — op. cit.

тлетворные гимны Марсу, заключенные во внѣшне-безукоризненныя формы біологическихъ, соціологическихъ и прочихъ изслѣдованій. Это популярный нѣмецкій историкъ утверждаетъ, что надежда на устраненіе со временемъ войны должна быть названа не только безумною, но и глубоко безнравственною [1]). А «высокомѣрное притязаніе на imperium mundi», отъ котораго, не въ примѣръ римскимъ императорамъ, Блюнчли считаетъ свободнымъ императора германскаго? Новѣйшія теоріи не отводятъ много мѣста роли личности въ исторіи. Но роли германскаго императора въ міровой войнѣ историкъ, внѣ сомнѣнія, посвятитъ не мало строкъ. И мнѣ представляется небезъинтереснымъ отмѣтить преувеличенную страсть Вильгельма II къ римлянамъ эпохи мірового господства. Кто видѣлъ раскопки старой римской крѣпости Заальбургъ, гдѣ рядомъ съ найденной въ землѣ статуей Антонина Пія возвышается отлитая по древнимъ образцамъ изъ заплѣсневѣлой бронзы статуя германскаго императора въ римскомъ одѣяніи,—знаетъ, до какой смѣхотворной формы дошла эта страсть. Велерѣчивыя надписи на латинскомъ языкѣ отъ императора германцевъ императору римлянъ во славу и честь предковъ [2]), безчисленныя снимки Вильгельма въ крѣпости, у ея воротъ, во главѣ блестящей свиты, гордо заносящаго ногу на ступени входа, говорятъ о форменной маніи. Недаромъ здравомыслящіе нѣмцы окрестили Заальбургъ—Kaiserspielerei.

Но мечта объ imperium mundi туманитъ голову не одного кайзера и германскихъ руководящихъ круговъ.

---

[1]) Трейчке.

[2]) Guilelmus II *memoriam et honorem parentum* castellum limitis Romani restituit; *Imperatori Romanorum* Tito Aelio Hadriano Antonino Augusto Pio Guilelmus II *Imperator Germanorum.*

Извѣстная рѣчь канцлера, сулящая міру pax Germana,— лишь слабое отраженіе того настроенія, которое овладѣло большинствомъ ученыхъ и публицистовъ. Они видятъ стоящія передъ Германіей великія историческія задачи и считаютъ, что она справится съ ними, лишь достигнувъ положенія единственной могущественной державы [1]). «Кому будетъ принадлежать скипетръ вселенной? Какая нація будетъ диктовать свое желаніе, какъ законъ ослабленнымъ и выродившимся народамъ? Ею можетъ быть только Германія»,— взывалъ проф. Трейчке [2]). «Der Glaubenskrieg» Зомбарта (во вступительной главѣ — Händler und Helden) проповѣдуетъ нынѣшнюю войну священной войной, борьбой германской культуры— культуры подлинной, «героической», противъ призрачной—«торгашеской» [3]).

Для великихъ цѣлей оказываются хороши всѣ средства—старая психологическая аберрація. Еще Цицеронъ (De officiis) жалуется, что римляне, по мѣрѣ того, какъ крѣпла ихъ военная мощь и усиливалось стремленіе къ неограниченному господству измѣнили прежнимъ добрымъ нравамъ (mores maiorum), и для покоренія враговъ стали считать дозволенными самыя суровыя мѣры. На войну съ независимыми народами они уже смотрѣли, какъ на наказаніе виновныхъ въ оскорбленіи величества царственнаго народа (princeps orbis terrarum populus) и не признавали никакой пощады [4]).

Съ этой стороны показательна статья нѣмецкаго профессора Оскара Біэ —«Гуманность» [5]). «Гуманности во

---

[1]) «Война за міръ»—ст. Оствальда въ «Monistische Sonntagspredigten».

[2]) «Zehn Jahre deutscher Kämpfe»—Schriften zum Tagespolitik.

[3]) «Русскія Вѣдомости» отъ 5 іюня 1915 г.

[4]) Н. Ивановъ—«Характеристика международныхъ отношеній».

[5]) Въ газ. «Fremdenblatt», см. «Русскія Вѣдомости» — 1915 г.

время войны,—поучаетъ онъ,—не существуетъ. И не можетъ существовать. Когда Германія, проявляя свой геній, придумываетъ новое орудіе истребленія, ея противники начинаютъ кричать о нарушеніи правилъ, принятыхъ Гаагской конференціей. Эти крики и толки про гуманность убѣждаютъ Германію столько же, какъ упражненіе маленькаго школьника какого-нибудь великаго философа. То же самое можно сказать о субмаринахъ. Въ ихъ дѣйствіяхъ нѣтъ ничего негуманнаго. Германія вправѣ употреблять всѣ средства, придуманныя ея геніемъ. Послѣ войны другія націи, если захотятъ, могутъ собраться и сочинять правила, какъ воевать. Германія прочтетъ ихъ съ улыбкой и забудетъ, когда изобрѣтетъ новое орудіе истребленія. Новая техника даетъ новую силу арміи, и только глупцы могутъ отказаться отъ этой силы. Техника создаетъ силу; сила создаетъ право, а право порождаетъ гуманность. Всѣ эти понятія мѣняются».

Совершенно вѣрно, — мѣняются, но въ согласіи съ основнымъ закономъ общественнаго развитія—движенія впередъ, а не вспять. Техника не составляетъ исключительнаго достоянія нѣмецкаго народа. Создаваемая ею сила съ такимъ же успѣхомъ можетъ быть обращена и противъ него; будетъ ли и тогда неограниченное злоупотребленіе ею не противорѣчить гуманности въ глазахъ проф. Біэ? Такой послѣдовательности не приходится ждать послѣ того, какъ германское общественное мнѣніе заклеймило варварскимъ поведеніе англійскихъ сумбаринъ.—Естественное возвращеніе къ готтентотской морали, покуда затемненному сознанію останется чуждъ моментъ общей заинтересованности въ поддержаніи *взаимныхъ* обязательствъ. Впрочемъ, жизнь возвращаетъ къ этому насильно...

VII.

Но опредѣленныя стремленія неминуемо порождаютъ опредѣленную идеологію. Создала ее и Германія послѣднихъ десятилѣтій, Германія ненасытныхъ аппетитовъ и жажды всеобщаго неограниченнаго господства. Культъ голой силы сталъ исчерпывающимъ выраженіемъ значительной части духовной жизни. Всецѣло захваченной имъ оказалась область права, тѣмъ болѣе права международнаго, которое, во мнѣніи многихъ, по выраженію Kaltenborn'a, должно было навсегда остаться игралищемъ всякаго рода прихотей, случайностей, страстей или злонамѣренныхъ дѣяній. И такъ какъ границы силѣ полагаетъ одна лишь сумма средствъ, имѣющихся въ распоряженіи, то накопленіе боевыхъ матеріаловъ и было признано главнѣйшей мудростью внѣшней политики государства. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ находится поведеніе германскихъ делегатовъ на Гаагскихъ конференціяхъ. Глава милитаризма—Германія оказалась и главою оппозиціи по главному пункту—вопросу объ ограниченіи вооруженія. Интересна, бьющая мимо основного смысла обсуждаемыхъ предложеній, незначительность приводимыхъ при этомъ доводовъ—средства, истрачиваемыя на военную организацію, отнюдь не задѣваютъ интересовъ нѣмецкаго народа, благосостояніе котораго не перестаетъ расти; обязанность общей воинской повинно-

сти въ глазахъ нѣмца не составляетъ бремени, но, напротивъ, священный патріотическій долгъ. Еще характернѣе возраженія противъ обязательнаго третейскаго суда, къ которымъ примкнула и тогда уже вѣрная прусская союзница—Турція.—Обязательный третейскій судъ несовмѣстимъ съ державной властью монарха, представляющей осуществленіе на землѣ божественнаго права [1]).

Сила убѣдительности всѣхъ этихъ соображеній была, повидимому, подвергнута сомнѣнію и въ глазахъ ссылавшихся на нихъ. По крайней мѣрѣ, делегаты рѣшили подкрѣпить ее угрозой. По спѣшномъ затребованіи спеціальныхъ инструкцій изъ Потсдама, ими было сдѣлано отъ имени правительства заявленіе, что немедленное введеніе въ международное право обязательнаго третейскаго суда повлечетъ скорѣе вредъ, а не пользу для мира въ Европѣ. Къ тому же героическому средству пришлось обратиться и на второй Гаагской конференціи. Когда вопросъ о принятіи текста общаго и обязательнаго третейскаго договора казался близящимся къ осуществленію, делегатъ Германіи—фонъ-Маршаль сослался на грозящую отъ этого опасность для самаго существованія будущихъ Гаагскихъ конференцій [2]). О противодѣйствіе Германіи, главнымъ образомъ, разбилось и намѣреніе урегулировать морскую войну. Сдѣланная на второй Гаагской конференціи попытка Англіи, въ интересахъ нейтральныхъ, внести ограниченіе правъ воюющихъ на морѣ, такъ и не нашла осуществленія.

Ѣдкую критику встрѣтила программа Гаагскихъ конференцій и со стороны ученыхъ Германіи. «Междуна-

---

[1]) Проф. Комаровскій—«Гаагская мирная конференція».

[2]) Гр. Л. А. Комаровскій и В. А. Улянцкій — «Международное право». Лекціи.

родное право выросло корнями изъ войны,—настаиваетъ фонъ-Мартицъ,—и мысль, что предлагаемыми средствами и формами можно провести замѣну войны путемъ права или только *подготовитъ* это, есть ничто иное, какъ химера» [1]).

Имъ претитъ самое названіе «мирной конференціи». Противъ него ополчаются Meurer, Цорнъ, Ниппольдъ и другіе. Справедливую оцѣнку позиція этихъ господъ получаетъ со стороны ихъ безпристрастнаго компатріота, высокоавторитетнаго проф. Шюкинга. «Это доказываетъ лишь, что у насъ, нынѣшнихъ пѣмцевъ, нѣтъ никакого пониманія *организаціи* мира. Мы обязаны, къ сожалѣнію, нашимъ государствомъ не мирной внутренней работѣ,—поясняетъ онъ, — а войнѣ, и милитаризмъ такъ проникъ намъ въ кости (der Militarismus ist uns so durch die Knochen gezogen), что мирная организація цивилизованнаго человѣчества для насъ болѣе не является идеаломъ» [2]).

---

[1]) v. Martitz—«Kultur der Gegenwart».

[2]) Walter Schücking—«Das Werk vom Haag».

VIII.

Вліяніе прусской Германіи неустанно тормозило развитіе международнаго права. Однако, не было въ состояніи вовсе задержать его. Сказывалось и взаимодѣйствіе съ правомъ національнымъ, гдѣ, вслѣдствіе большей заинтересованности и активности, завоеванія живѣе. Въ результатѣ, нынѣшняя война явила интересную смѣсь чертъ. Съ одной стороны, ее справедливо объявляютъ способной повергнуть въ отчаяніе всякаго, кому дороги успѣхи международнаго права[1]). Съ другой, — она даетъ не мало матеріала и для противоположныхъ, болѣе оптимистическихъ выводовъ.

Коренной ошибкой было бы подходить къ происходящимъ событіямъ съ масштабомъ войнъ прошлаго времени. Ни по своимъ размѣрамъ, ни по характеру и тѣмъ конкретнымъ условіямъ, въ которыхъ она ведется, настоящая война въ старыя рамки не укладывается. Предъ нами грандіозная катастрофа, одна изъ тѣхъ, возможность которыхъ, правда, въ теоріи учитывалась, но о реальныхъ формахъ лишь строились догадки. Интересное размышленіе о «будущихъ войнахъ» находимъ въ изслѣдованіи женевскаго профессора Броше конца 70-хъ,

---

[1]) Бар. Корфъ—«Современная война и международное право» въ сборникѣ «Вопросы міровой войны».

начала 80-хъ годовъ. Необычайное развитіе національной политики, предвидитъ онъ [1]), сообщитъ борьбѣ характеръ національнаго состязанія, равнодушіе и безучастіе массъ уступитъ мѣсто глубокой заинтересованности, энтузіазму, быть можетъ, дикому отчаянію. Въ этихъ условіяхъ потеряетъ почву основной принципъ современнаго права войны, что война ведется между государствами, а не частными лицами. Отсюда неминуемое увеличеніе ожесточенія въ войнахъ, противъ котораго серьезно предупреждаетъ авторъ.

Мы видимъ, что предсказаніе первой его части сбылось въ полной мѣрѣ. Въ ряды активныхъ бойцовъ втянуты цѣлыя націи; на карту поставлены права на существованіе, свободное экономическое и политическое развитіе народовъ, и даже наиболѣе далекіе отъ политики элементы силою вещей къ ней пріобщаются. Исходъ борьбы ближайшимъ образомъ затрагиваетъ интересы широкихъ массъ. Если прибавить къ этому нечеловѣческія условія жизни въ траншеяхъ, смерть и разрушенія въ размѣрахъ, какіе и не снились писателямъ прежнихъ лѣтъ, казалось бы, есть всѣ основанія думать, что должна оправдаться и другая часть предсказанія, и нынѣшняя война по жестокости сражающихся должна превзойти всѣ предшествовавшія войны.

Между тѣмъ, дѣйствительность далека отъ этого. Несмотря на безграничный ужасъ, который несетъ эта война своими размѣрами и обстановкой, элемента *личнаго* ожесточенія въ ней наблюдается всего менѣе. Припомнимъ многочисленныя описанія сердечнаго и участливаго отношенія къ врагу. Возможно, при ежедневномъ чтеніи газетъ, они и остаются незамѣченными, но стоитъ спе-

[1]) См. H. Brocher de la Fléchère—«Les Revolutions du Droit».

ціально съ этой цѣлью просмотрѣть различные органы печати всѣхъ странъ за время войны, и васъ поражаетъ, какъ чуждо психологіи войны сознаніе современнаго человѣка.

«Послѣдній разъ зѣвнули свинцовымъ ураганомъ,—пишетъ какой-то офицеръ въ «Новомъ Времени» [1]),—а затѣмъ русскій штыкъ воцарился на редутахъ. Тысячи раненыхъ вокругъ... Руки состраданія протягивались къ нимъ оттуда, откуда только что посылалась смерть... «Вѣдь тоже люди,—не скотина», — говоритъ нашъ солдатъ, отдавая австрійцу единственный пакетъ съ перевязочнымъ матеріаломъ: «А мнѣ дай табачку—изнываю, понимаешь?» Понималъ или не понималъ австріецъ, но оба лежали окровавленные и курили». Агентство «Central News» воспроизводитъ письмо раненаго французскаго офицера [2]). «Около меня лежали два другихъ раненыхъ — шотландскій офицеръ и нѣмецкій уланъ. Когда я пришелъ въ себя, я увидѣлъ, что оба склонились надо мной. Шотландскій офицеръ лилъ мнѣ въ ротъ изъ фляжки воду. Нѣмецъ перевязывалъ рану. Хотя сами они сильно страдали, но пытались помочь мнѣ. Нѣмецъ сдѣлалъ мнѣ и шотландцу впрыскиваніе морфину. Морфинъ значительно успокоилъ наши боли: мы начали разсказывать, какую жизнь вели до войны».

«Русскій Инвалидъ» рисуетъ типичную картинку [3]): «Солдатъ съ перевязанной ногой заботливо поитъ чаемъ атстрійца, у котораго забинтованы кисти обѣихъ рукъ, подноситъ ко рту австрійца то кусочекъ сахара, то булку, то кружку съ чаемъ. Невольно останавливаюсь.

---

[1]) «Новое Время»—октябрь 1914 г.

[2]) «Кіевская Мысль»—декабрь 1914 г.

[3]) «Русскій Инвалидъ»—октябрь 1914 г

— Ты гдѣ же себѣ такого пріятеля отыскалъ?—Съ Карпатъ насъ вмѣстѣ привезли; на перевязочномъ пунктѣ носилки наши рядомъ поставили, тамъ и познакомились. Сюда пріѣхали, онъ отъ меня ни на шагъ. Ноги у него здоровыя, куда меня несутъ, туда и онъ. Выходитъ, и впрямь пріятель. Пою его чаемъ, курить даю... тоже и онъ, хоть нѣмецъ, а душа человѣческая. Вонъ у него дома жена осталась, да двое дѣтей.—А ты откуда знаешь?—Разсказалъ онъ мнѣ.—Какъ разсказалъ? Развѣ ты по-нѣмецки понимаешь?—Зачѣмъ по-нѣмецки... мы по своему разговариваемъ».

Французскій капитанъ дѣлится своими наблюденіями [1]). «Есть желѣзная внѣшняя необходимость, но внутренней ненависти нѣтъ. Сколько было случаевъ самаго пріятельскаго общенія въ моемъ районѣ. Дѣло дошло до того, что солдаты ходили со взаимными визитами во вражескія траншеи, и какъ отлично разговаривали, точно школьники разныхъ училищъ, сошедшіеся вмѣстѣ. И такіе случаи происходятъ очень часто по всей линіи, гдѣ только траншеи не очень удалены». — Англійскій канониръ полевой батареи пишетъ [2]): «Посерединѣ разстоянія между нашими траншеями и нѣмецкими находилась старая мельница. И то наши, то нѣмецкіе патрули являлись туда для обслѣдованія помѣщенія. Стали оставлять другъ для друга газеты. Потомъ тѣмъ же путемъ стали переправляться письма плѣнныхъ къ роднымъ: къ намъ приходили письма англичанъ, захваченныхъ нѣмцами, а къ нѣмцамъ—письма нѣмцевъ, захваченныхъ нами».— Праздникъ Рождества на западномъ фронтѣ, гдѣ траншеи англичанъ и нѣмцевъ были близки, былъ встрѣ-

[1]) «Кіевская Мысль»—23 апрѣля 1914 г.

[2]) «Daily News»—1914 г.

ченъ сокласнымъ пѣніемъ рождественскихъ псалмовъ. Осажденные въ Перемышлѣ австрійцы шлютъ русской арміи коньякъ и сигары. Еще большее вниманіе привлекаютъ подвиги англійскихъ матросовъ, съ опасностью для собственной жизни подъ орудійными выстрѣлами спасавшихъ не разъ тонущихъ съ нѣмецкихъ крейсеровъ. Понадобился даже оффиціальный призывъ къ благоразумію.

Но всего интереснѣе принципіальная трактовка вопроса въ печати,—въ печати, отвѣчающей чувству массоваго читателя. Для Франціи такимъ органомъ является сейчасъ пламенная «La Guerre Sociale» Густава Эрве. И вотъ что находимъ мы въ ней послѣ налета союзныхъ аэропланов на Карлсруэ [1]). «Если твои враги дѣлаютъ безполезныя гадости и глупости, не подражай имъ. Нѣмцевъ бомбардировка Карлсруэ не устрашитъ и не заставитъ ихъ отказаться отъ практикуемыхъ ими бомбардировокъ открытыхъ городовъ. Да, союзники не станутъ повторять всего того, что дѣлали нѣмцы въ эту ужасную войну. Бомбардировать открытые города. Чему служитъ это съ военной точки зрѣнія? Зачѣмъ это? Ради чего? Даже если бы,—заключаетъ Эрве,—французскіе авіаторы разбрасывали французскія газеты въ департаментахъ, захваченныхъ врагомъ, они бы дѣлали гораздо болѣе полезное дѣло, чѣмъ бомбардируя открытые города». — Нельзя забыть, что налету на Карлсруэ предшествовали чуть не ежедневные налеты цеппелиновъ на Парижъ, приводившіе населеніе къ отчаянію, убійства дѣтей, женщинъ, стариковъ.

Такимъ образомъ, и самымъ чудовищнымъ жестокостямъ не всегда, какъ мы видимъ, удается затемнить

---

[1]) «La Guerre Sociale» — іюнь 1914 г.

народное сознаніе. Годами взрощенное правовое чувство, въ противность грубымъ прямымъ заключеніямъ, диктуетъ подчасъ другіе отвѣты, другіе поступки. И въ этомъ противопоставленіи развитого правосознанія первобытнымъ инстинктамъ, личной гуманности, чрезвычайнымъ по ожесточенію пріемамъ и скрыта наиболѣе, быть можетъ, интересная для изслѣдователя сторона нынѣшней войны. Въ настоящее время ее еще слишкомъ заслоняетъ одностороннее воспріятіе событій: впечатлѣнія грубой силы оглушаютъ, захватываютъ, а на ихъ фонѣ слабѣютъ, теряются проявленія даже самаго стойкаго уваженія къ правамъ личности. Неизбѣжно, однако, наступленіе момента, когда въ интересахъ общихъ выводовъ сюда будетъ обращено усиленное вниманіе. Тогда въ изобиліи предстанутъ и соотвѣтствующіе матеріалы. Сыщутся они и въ самомъ пеклѣ современнаго милитаризма—въ Германіи. Уже и сейчасъ приходится наталкиваться на значительные прорывы въ психологіи людей, рвавшихся побѣдить весь міръ цѣною какихъ угодно средствъ. Съ одной стороны, милитаризація всѣхъ сферъ интеллектуальной жизни, всепроникшій культъ физическаго воздѣйствія. Интересно, что даже женскія организаціи страны, носящіяся съ проектомъ обязательной повинности женщинъ, готовы для самихъ себя признать высокую пользу «Потсдама», т. е. палки [1]). Съ другой — неоднократные примѣры нѣмецкихъ солдатъ, самоотверженно помогающихъ раненому противнику; нѣмецкихъ санитаровъ, врачей, одинаково ревностно несущихъ свой долгъ въ отношеніи своихъ и чужихъ. Вспомнимъ отрядъ Краснаго Креста, съ извѣстнымъ берлинскимъ врачомъ Давидсономъ, не пожелавшій оставить

[1]) «Русскія Вѣдомости»—1914 г., ст. Лурье.

лазарета съ французскими ранеными, случай снабженія перевязочными матеріалами враждебной стороны, заявленія бельгійскихъ депутатовъ-соціалистовъ Либкнехту о корректномъ, человѣчномъ поведеніи нѣмецкихъ нижнихъ чиновъ, предоставленныхъ самимъ себѣ.

IX.

Величайшая изъ войнъ, рядомъ съ неслыханными ужасами, непререкаемо ясно обнаружила значительно повысившійся, по сравненію съ прошлыми войнами, уровень человѣческаго правосознанія. Частыя нарушенія международнаго права въ этой войнѣ совпали съ ярко выраженнымъ неудовлетвореніемъ дѣйствующимъ международно-правовымъ кодексомъ. Его нормы оказались далеко недостаточными, допуская существованіе институтовъ, съ которыми не мирится болѣе общественное мнѣніе. Это проявилось настолько рѣзко, что порою противозаконными въ нынѣшней войнѣ клеймились и такіе поступки, относительно которыхъ въ положительномъ международномъ правѣ отсутствуютъ какія бы то ни было указанія. Естественное чувство возмущенія невольно увлекало и людей, не лишенныхъ спеціальныхъ знаній — и даже авторитетныхъ ученыхъ. Интересно мнѣніе барона Корфа, что брать заложниковъ «категорически запрещается международнымъ правомъ», что обложеніе населенія, въ видѣ наказанія, денежными контрибуціями, опредѣленно запрещено нормами, регулирующими сухопутную войну [1]). Между тѣмъ, какъ это, дѣйствительно,

[1]) Ст. бар. Корфа — «Современная война и международное право» въ сборн. «Вопросы міровой войны».

ни дико, такихъ запрещеній, категорически формулированныхъ, международное право еще не включило. Что касается заложниковъ, — въ теоріи [1]) о нихъ находимъ лишь поясненія, что они даются съ цѣлью обезпечить выполненіе принятой на себя повинности, иногда ихъ берутъ въ обезпеченіе своей безопасности, напр., спокойствія въ занятомъ городѣ или мѣстности; что въ качествѣ заложниковъ употребляются преимущественно знатныя лица, такъ какъ только послѣднія въ состояніи быть лично порукою, частью вслѣдствіе своего вліянія на населеніе, частью вслѣдствіе уваженія, которымъ они пользуются обыкновенно со стороны жителей. Имѣются еще указанія, что новое, но не безукоризненное примѣненіе получило заложническое право во время франко-германской войны 1870—1871 г., когда нѣмецкія войска, для обезпеченія безопасности желѣзно-дорожнаго сообщенія, силою уводили именитыхъ гражданъ французскихъ городовъ и деревень въ качествѣ заложниковъ. При чемъ средство это представлялось сомнительнымъ лишь въ томъ отношеніи, что имъ ставится въ серьезную опасность даже самая жизнь мирныхъ гражданъ. Но, не взирая на обильный для этого матеріалъ войны 1870—1871 г., положительныя нормы не оговорили запрещенія заложническаго права. То же въ отношеніи контрибуцій, хотя злоупотребленія ими почти не знали границъ. По интереснымъ исчисленіямъ Гелля [2]), для одной Пруссіи за нѣсколько лѣтъ они достигли суммы въ 225.550.000 франковъ. Во время войны 1870 г. различными взысканіями было получено 415 милліоновъ франковъ, изъ нихъ контрибуцій—39 милліоновъ. Если

---

[1]) См. Блюнчли, Гефтеръ, Листъ (андролепсія, стр. 311).

[2]) Guelle—«Précis des lois de la guerre sur terre».

сравнить различный масштабъ цѣнностей въ франко-прусскую войну и послѣднюю, то сумму въ 39 милліоновъ придется принять во много разъ увеличенной.

Нынче, по оффиціальному сообщенію Norddeutsche Allgemeine Zeitung, размѣръ военныхъ взысканій въ занятыхъ областяхъ Бельгіи и Франціи достигъ 721 мил. 500 тыс. франковъ, изъ которыхъ, однако, дѣйствительно уплачено менѣе 12-ой части.

Практика контрибуцій, какъ наказанія во время войны, хотя и не имѣетъ никакого юридическаго оправданія [1]), скорѣе подтверждена Гаагской конференціей, которая требуетъ только исполненія опредѣленныхъ условій: чтобы онѣ назначались по письменному распоряженію начальствующаго генерала и за его отвѣтственностью, чтобы взимались съ соблюденіемъ порядка взиманія и раскладки податей, существующаго въ данной области, чтобы въ полученіи ихъ выдавались росписки плательщикамъ. Ст. 50-ая Гаагскаго регламента прибавляетъ еще ограниченіе, что никакое денежное взысканіе не можетъ быть налагаемо на все населеніе за тѣ дѣянія единичныхъ лицъ, въ коихъ не можетъ быть усмотрѣно солидарной отвѣтственности населенія. Но тамъ, гдѣ выходъ предоставляется усмотрѣнію,—не оказывается обычно недостатка и въ основаніяхъ.

Огромное зло нынѣшней войны,—это реквизиціи, уничтожившія даже призрачность принципа неприкосновенности частной собственности. Еще Гелль, приводя цифры ихъ за войну 1870 г., печалуется: «Не показываетъ ли

---

[1]) Впрочемъ, есть авторы—въ родѣ Corsi,—которые юридическую правомѣрность контрибуцій строятъ на обязанности оккупанта поддерживать въ странѣ порядокъ и управленіе. Находятъ этому институту оправданія и Роленъ-Жакменъ, Лепиницъ.

это, что новѣйшія войны, особенно благодаря нѣмцамъ, угрожаютъ перейти въ громадныя хищенія и разбои между народами» [1]). Нынѣ цифры эти возросли внѣ всякаго соотвѣтствія возросли чудовищно, безмѣрно, почти уподобляясь грабежамъ дикихъ нашествій. Между тѣмъ, всякіе предѣлы для нихъ, можно сказать, «законно» уничтожены, такъ какъ обѣ Гаагскія конференціи лишь весьма обще намѣчаютъ границы ихъ примѣненія. Онѣ могутъ требоваться лишь для нуждъ занявшей область арміи, должны соотвѣтствовать средствамъ страны, должны оплачиваться деньгами или быть удостовѣрены расписками (ст. 52-ая). Вторая конференція добавляетъ пожеланіе, чтобы полученныя услуги оплачивались возможно скоро. Опредѣленность — весьма проблематичная. Надо сказать, кромѣ того, что находятся писатели, которые обязанность оплаты реквизицій относятъ не къ оккупанту, но къ отечественному правительству занятой области (Ленингъ) [2]). Не такъ принципіально, но не менѣе рѣшительно высказывается и Мартенсъ: «Понятно, что въ концѣ-концовъ платитъ по этимъ квитанціямъ побѣжденный» [3]).

Вполнѣ опредѣленно стоитъ зато вопросъ о репрессаліяхъ. Пусть большинство авторовъ сходится во мнѣніи, что репрессаліи—это открытая дверь для безграничнаго примѣненія насилія на войнѣ, что, въ сущности, онѣ сводятъ къ нулю всѣ нормы и обычаи войны [4]), но

---

[1]) Guelle—op. cit.

[2]) Гр. Л. А. Комаровскій.—«Обзоръ современной литературы по международному праву».

[3]) Ф. Мартенсъ.—«Восточная война и Брюссельская конференція».

[4]) М. Догель—«Юридическое положеніе личности во время сухопутной войны».

законность ихъ никѣмъ не подвергается сомнѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, ни одно изъ спеціальныхъ международныхъ соглашеній не коснулось репрессалій ни словомъ, ни одна конференція не дала никакихъ постановленій о нихъ. Безплодно окончилась даже попытка установить нѣкоторыя необходимыя условія для нихъ: чтобы онѣ примѣнялись лишь въ крайнихъ случаяхъ, были всегда соразмѣрны съ вызвавшимъ ихъ правонарушеніемъ и назначались главнокомандующимъ или командиромъ отдѣльнаго корпуса. Подъ предлогомъ недопустимости даже косвенной санкціи репрессалій, Брюссельская конференція отвергла это предложеніе. Предсѣдатель конференціи баронъ Жомини справедливо указалъ, что если бы можно было отмѣнить репрессаліи тѣмъ, чтобы о нихъ не говорить ни слова, онъ могъ бы только присоединиться. Но такъ какъ ждать этого не приходится, то молчаніе и неопредѣленность внесутъ лишь пущую безудержность [1]). Въ результатѣ современныя руководства по международному праву, вслѣдъ за самыми устарѣлыми, повторяютъ, что «въ видѣ репрессалій можно, разумѣется, прибѣгнуть какъ разъ къ такимъ средствамъ, примѣненіе которыхъ въ иныхъ случаяхъ было бы нарушеніемъ международнаго права» [2]). Здѣсь нѣтъ никакихъ границъ, и въ своемъ правѣ чувствовали себя пруссаки, когда въ 1870 г. привлекали къ отвѣтственности не только общины, гдѣ совершались преслѣдуемыя ими дѣянія, но и общины, къ которымъ по рожденію принадлежали виновные [3]). Но поистинѣ всякіе предѣлы превзошла въ отношеніи репрессалій нынѣшняя война. Запрещеніе

---

[1]) Мартенсъ—op. cit.

[2]) Ф. Листъ—«Международное право».

[3]) Bernier.—«De l'occupation militaire en temps de guerre».

въѣзда, поголовныя высылки, массовыя задержанія и аресты, жестокости надъ населеніемъ оккупированныхъ мѣстъ, и даже, какъ у насъ, совершенно недопустимое и явно осужденное конференціей 1907 года, пріостановленіе судебной защиты непріятельскихъ подданныхъ. Вопросъ о репрессаліяхъ послѣ этой войны займетъ, можно думать, серьезное мѣсто въ общественномъ вниманіи, и для разрѣшенія его это будетъ, во всякомъ случаѣ, дѣйствительнѣе, нежели молчаніе, хотя бы и изъ самыхъ гуманныхъ побужденій.

Современная война выдвинула еще серьезный вопросъ. Это—выросшее въ излюбленное средство нѣмецкой военной дипломатіи подстрекательство къ политическимъ преступленіямъ. Можно сказать, что къ этому нѣмцами было приступлено едва ли не ранѣе начала военныхъ дѣйствій, на этомъ строились значительные разсчеты и затрачивались такія суммы, истинный размѣръ которыхъ будетъ вскрытъ лишь впослѣдствіи. Приходится ли говорить, что для этого не останавливались передъ обманомъ и хитростью—излюбленными пріемами грубой демагогіи. Положительное международное право не знаетъ вовсе подстрекательства къ политическимъ преступленіямъ. Въ теоріи встрѣчаемъ о немъ немного и весьма различно. Гефтеръ полагаетъ, что «честь и собственный интересъ запрещаютъ возбужденіе непріятельскихъ подданныхъ къ возмущенію». Перельсъ и Блюнчли думаютъ иначе. Листъ считаетъ подстрекательство къ мятежу противнымъ международному праву, выдѣляя, однако, какъ дозволенное, установленіе связи съ мятежниками, уже дѣйствующими въ непріятельской странѣ. Большинство современныхъ авторовъ совсѣмъ обходятъ этотъ вопросъ, очевидно, не признавая за нимъ актуальности. Послѣднія событія поставили его во весь

ростъ. И едва ли можно колебаться въ приговорѣ, который вынесло ему современное правосознаніе. Нужно было познать его на практикѣ, чтобы составить правильное представленіе о всей, я сказалъ бы, омерзительности этого средства. Тенденція войнъ къ развитію отъ характера династическихъ къ чисто національнымъ можетъ только усугубить это впечатлѣніе.

Не то же ли съ воздухоплаваніемъ въ войнѣ. Что, кромѣ теоретическихъ выкладокъ, могли имѣть въ виду обсуждавшіе метаніе «снарядовъ и взрывчатыхъ веществъ съ воздушныхъ шаровъ или при помощи иныхъ подобныхъ способовъ» на Гаагской конференціи 1899 г. Совершенно новымъ въ практикѣ войны явился этотъ вопросъ во время осады пруссаками Парижа, при чемъ все примѣненіе новаго средства ограничилось попыткою французовъ установить почтовыя сношенія со страною. Нѣмецкія военныя власти хотѣли видѣть въ этомъ акты шпіонства, а попадавшихъ въ плѣнъ воздухоплавателей третировать, какъ шпіоновъ, что видно изъ телеграммы Бисмарка отъ 19 ноября 1870 г. французскому правительству [1]). Позднѣе—рядъ писателей—Guelle, Rolin-Jacquemyns и другіе стараются доказать, что воздухоплаватели—это курьеры (messagers) непріятельской арміи, подлежащіе нормальному военному плѣну. Съ тѣхъ поръ огромный ростъ техники—«курьеровъ» превратилъ въ бойцовъ, создалъ особый видъ военной силы—воздушный флотъ. И когда читаешь описанія цеппелинскихъ набѣговъ на Парижъ, на Лондонъ, дышащія жизнью описанія [2]) случайныхъ, безсмысленныхъ жертвъ

[1]) Догель—op. cit.

[2]) См. ст. Діонео въ «Русск. Вѣд.» и ст. Тасина въ «Кіев. Мысли».

изъ кварталовъ Уайтчепеля, когда видишь эти жертвы—малолѣтнихъ дѣтей съ страдальческими, недоумѣнными взорами, попадающихъ въ эшелоны раненыхъ изъ какого-нибудь Ковеля, Минска,—не остается никакого сомнѣнія, что на ближайшемъ мирномъ конгрессѣ обсужденіе этого вопроса выйдетъ изъ сферы чистой теоріи. Извѣстно, что въ 1907 г. въ Гаагѣ метаніе снарядовъ съ воздушныхъ судовъ было признано допустимымъ, если цѣлью избираются вооруженныя силы непріятеля, укрѣпленія его, или зданія, имѣющія значеніе военныхъ средствъ. Въ числѣ послѣднихъ не безъ основанія фигурируютъ желѣзныя дороги и вокзальныя постройки, отчего еще больше лицемѣрія пріобрѣтаетъ присовокупленное запрещеніе щадить мирныхъ жителей и частныя жилища. Еще разъ вопросъ этотъ, въ плоскости борьбы въ воздухѣ,—обсуждался въ 1911 году на конгрессѣ Института международнаго права въ Мадридѣ. Англійскіе юристы высказывались за полное запрещеніе подобной борьбы. Такъ же—бельгійскій представитель—Rolin. Однако, французы отстаивали полную свободу такихъ операцій. Въ результатѣ была принята мало удовлетворительная формула: «Война въ воздухѣ должна быть дозволена до тѣхъ предѣловъ, пока она не представитъ для мирнаго населенія и его имущества большихъ опасностей, чѣмъ сухопутная или морская война» [1]).

Право войны рождается изъ войны. Въ этомъ его слабость, въ этомъ и сила. Слабость потому, что элементы для развитія своего оно черпаетъ изъ войны же; сила потому, что каждая война таитъ въ себѣ отрицаніе слѣдующей войны. Послѣднее тѣмъ болѣе вѣрно для крупныхъ войнъ. Мы знаемъ, что первыя научныя осно-

[1]) W. Schücking—«Das Werk vom Haag».

ванія права войны строятся въ эпоху религіозныхъ войнъ. Труды Ваттеля, Вольфа появляются въ смутное время между Утрехтскимъ миромъ и исходомъ семилѣтней войны; изъ войны 1864 года возникаетъ будущая Женевская конвенція; франко-прусская война вызываетъ Брюссельскую конференцію 1874 года, гдѣ впервые намѣчается полная схема законовъ и обычаевъ сухопутной войны.

X.

Что дастъ праву міровая война? Глубокое, серьезное, почти торжественное чувство невольно объединяетъ задающихся этимъ вопросомъ. И не потому, какъ полагаютъ многіе, что эта война—война противъ всякой войны, послѣдняя война. Нѣтъ, конечно. Но поскольку вѣроятно, что международныя столкновенія могутъ возникать и впредь,—такъ насущно, такъ важно, во что выльется опытъ этой войны. А опытъ этотъ безпримѣрно великъ и значителенъ.

Раньше всего онъ показалъ, что никакая военная мощь, даже доведенная до степени машиннаго совершенства, не въ состояніи превратить государство въ самодовлѣющій, ни отъ кого независимый организмъ. Внѣшне могучая Германія, безъ подпорокъ со стороны, въ своемъ внутреннемъ хозяйствѣ оказалась слабой и безпомощной.—Никогда еще, при самомъ расцвѣтѣ мирныхъ взаимоотношеній между народами, не осязались такъ ощутительно неразрывно связывающія ихъ узы. Отъ войны безсилѣютъ не однѣ воюющія страны, но едва ли не столько же терпятъ экономически страны нейтральныя—Данія, Швейцарія, Голландія. По сообщенію швейцарца Р. Гельпке [1]),—общіе по всѣмъ странамъ убытки торговли

---

[1]) Докладъ въ базельской секціи общества «Новая Гельвеція».

за первый годъ войны исчисляются въ 100 милліардовъ франковъ. И даже Америка, въ которую изливаются сейчасъ золотыя рѣки, далеко не можетъ оставаться безучастной. Тамъ сознаютъ, что побѣда Германіи поставитъ подъ знакомъ неминуемой опасности и заокеанскія страны, что въ случаѣ этой побѣды придется обзаводиться сильною арміей и сильнымъ флотомъ,—и опредѣленно этого не желаютъ.

Съ другой стороны, нынѣшняя война оказалась почти школой общественно-государственной организованности. Къ испытанію были притянуты и самыя отсталыя государства и самые отсталые изъ ихъ общественныхъ элементовъ. Диктуемый могучимъ импульсомъ, процессъ приспособленія не только создаетъ новыя формы общественно-государственныхъ отношеній, онъ съ почти сказочной легкостью сметаетъ старые, священные устои. Такъ слетѣлъ, казавшійся нерушимымъ, принципъ независимости частно-капиталистическаго производства. Доселѣ слабый, голосъ широкихъ массъ слился съ властнымъ интересомъ общаго государственнаго благополучія, и революція—безкровная—совершилась. Вмѣшательство государства въ частно-хозяйственную жизнь произошло всюду, но самымъ широкимъ образомъ въ Германіи. Сообщенный ею въ этомъ отношеніи «военный» опытъ будетъ стоить многихъ вѣковъ мирныхъ усилій и труда. Подумать, насколько дикой еще недавно показалась бы буржуазному обществу мысль отнять сливки у богатаго ребенка, чтобы обезпечить молоко неимущему, пирожное у одного, чтобы дать хлѣбъ другому. Нынче это дѣлается, дѣлается центральными органами государственной власти, въ самыхъ полныхъ размѣрахъ, — и на мѣстѣ безпорядочной анархіи наблюдается стройность, повышеніе производительности и значительная экономія силъ. Доста-

точно энергичное средство оказалось единственно дѣйствительнымъ для отсрочки полнаго экономическаго разгрома.

И еще одно послѣдствіе нынѣшней войны намѣчается уже сейчасъ. Это—широкое знакомство народовъ. Не взирая на живыя связи торговыя, обмѣнъ мыслями, достиженіями, взаимный интересъ до послѣдняго времени ограничивался лишь незначительными, только внѣшними формами, отчего еще крѣпко держались подчасъ чисто китайскія стѣны [1]). Нынѣ спеціальныя общества, лекціи, книги и ежедневныя газеты, на ряду съ непосредственнымъ общеніемъ вооруженныхъ народовъ, разсѣиваютъ отдѣлявшій ихъ туманъ.

Все это,—упроченное сознаніе взаимной связанности интересовъ, подъемъ организованности и сближеніе народовъ—важнѣйшіе матеріалы для фундамента международнаго права. Но и для дальнѣйшаго его строительства не мало существеннаго представитъ нынѣшняя война. На моментахъ матеріальнаго правотворчества, правда, далеко не въ полномъ его объемѣ, мы уже имѣли случай остановиться. Но неизмѣримо значительнѣе тѣ общіе принципы, которыми—изъ тяжкаго испытанія—выйдетъ укрѣпленнымъ международное право.

---

[1]) Характерно съ этой стороны сообщеніе проф. Мартенса («Восточная война и Брюссельская конференція»), что на сессіи Института международнаго права въ Цюрихѣ въ 1877 г., когда шла рѣчь о поведеніи Россіи и Турціи во время войны, всѣ присутствовавшіе ученые и публицисты были не мало удивлены, когда имъ докладывали, что казаки составляютъ регулярную армію, что въ русскихъ войскахъ нѣтъ племенъ, набирающихся лишь на случай войны одной приманкой грабежа».—«Отчего же вы не обнародуете этихъ любопытныхъ фактовъ? Въ Европѣ ничего объ этомъ не знаютъ»,—упрекнули русскихъ делегатовъ члены конгресса, отъ которыхъ естественно было бы ждать большей компетентности въ вопросахъ этого рода.

XI.

Долгое время держалось убѣжденіе, что субъектами международнаго права являются не народы, но суверены. Защита троновъ, правъ династій была объявлена главнымъ смысломъ международнаго общенія еще конгрессомъ 1815 года. Естественно, что и въ дипломатіи видѣли только искусство прислуживанія. Посвященные этому вопросу глубокомысленные трактаты носили выразительныя названія: «De la manière de négocier avec les Souverains», «De l'art de négocier avec les Souverains»; въ связи съ этимъ серьезные ученые считали необходимымъ оговорить, что языкъ дипломатовъ долженъ быть «возвышеннымъ, долженъ избѣгать пошлыхъ простонародныхъ выраженій [1]). Правда, ими же неоднократно свидѣтельствуется, что и наиболѣе идеальныя качества дипломата премировались способностью склонить личныя симпатіи. Такъ, Гефтеръ сообщаетъ, «дѣвица Керуаль, стройная съ изящнымъ ротикомъ и прекрасными глазками достигла при англійскомъ дворѣ большихъ въ пользу Франціи результатовъ, чѣмъ какой-нибудь мирный конгрессъ».

---

[1]) Гефтеръ — «Совр. межд. право», глава «Дипломатическій слогъ».

Съ тѣхъ поръ измѣнилось многое. Государственная политика изъ сферы частныхъ отношеній стала дѣломъ интересовъ народныхъ. Вопросы войны отчасти вошли въ компетенцію парламентовъ, благодаря установленію большинства конституцій, что всякое рѣшеніе, требующее отъ страны новыхъ финансовыхъ тяготъ, не можетъ быть принято безъ парламентской санкціи. Но стремительный ростъ милитаризма, насколько въ немъ заключалось средство,—въ противность правамъ другихъ,—соображаться лишь съ эгоистическими интересами, слишкомъ шелъ въ разрѣзъ съ новой тенденціей. Психологія единенія, съ припасеннымъ за пазухой увѣсистымъ булыжникомъ, не дала развиться новымъ формамъ дипломатическихъ отношеній. И попрежнему, какъ въ то время, когда судьбы народовъ рѣшались честолюбіемъ и капризомъ правителей, осталось дѣланіе политики въ глубокой тайнѣ, съ обманомъ и ложью, какъ ея главными орудіями, осталась тайная магія дипломатіи. Столѣтія отдѣлили насъ отъ проповѣди маккіавелизма: qui nescit dissimulare nescit regnare, отъ Ваттеля, утверждавшаго, что «конгрессы—это скучныя комедіи въ политическомъ театрѣ, въ которыхъ главные актеры стараются меньше достигнуть соглашенія, чѣмъ казаться этого желающими» (dans lesquelles les principaux acteurs se proposaient moins de faire un accomodement que de paraître le désirer [1]).

Но что измѣнилось въ этомъ отношеніи, въ чемъ ушли мы впередъ? «Міръ не боится преступленій, но тайны требуетъ для нихъ»,—утверждаетъ гетевскій Мефистофель. Подъ покровомъ тайны легко расцвѣтали безнравственные договоры и соглашенія, о которыхъ на-

[1]) Wattel—«Droit des gens».

родамъ случалось иногда узнавать лишь изъ позднихъ откровеній впавшаго въ немилость дѣятеля, или когда предупредить событія бывало уже поздно.

...Міровая война обличила, что старыя формы путами сковываютъ политическую жизнь. Рядомъ съ широко разросшимися международными связями, плотью и кровью перепаявшимися интересами, тѣ же захудалые, низменные пріемы взаимнаго подсиживанія дѣйствій изъ-за угла. И какъ же жалки эти лживыя уловки на фонѣ разыгрывающейся сейчасъ трагедіи, въ которой стерты всѣ грани между нападающими и обороняющимися, между побѣждаемыми и побѣдителями, въ которой и тѣ, и другіе одинаково страдаютъ, одинаково идутъ къ разгрому и обнищанію. Вспомнить знаменитую, такъ отлично разыгранную прусскую прелюдію: «на насъ низко напали». Вспомнить не сходившіе въ первые дни съ устъ кайзера, канцлера и инспирированной прессы призывы къ вѣрности союзнымъ обязательствамъ. Ложь, ложь и снова ложь понадобилась, чтобы столкнуть народы въ кровавой схваткѣ. А когда составлявшій величайшую государственную тайну договоръ о тройственномъ союзѣ былъ оглашенъ, и германское общество убѣдилось, что Германія вовсе не обязана была вступаться за Австро-Венгрію [1]), и у самыхъ узкихъ патріотовъ открылись глаза на всю дикость положенія. «Frankfurter Zeitung» (№ 169 за 1915 годъ) писала: «Невольно хочется спросить, какъ возможно скрывать отъ общественнаго мнѣнія точный текстъ договоровъ, касающихся всего народа, его интересовъ, даже его существованія.

---

[1]) Договоръ гарантировалъ военную помощь только въ томъ случаѣ, если бы пришлось имѣть противъ себя двѣ и болѣе великихъ державы.

Почему общественное мнѣніе не было ни предварительно выслушано по этому вопросу, ни освѣдомлено о договорѣ послѣ его заключенія? Правительства обязаны передъ своими народами серьезно обсуждать такіе вопросы при участіи опытныхъ политиковъ и дипломатовъ». Публицистъ Герлахъ писалъ рѣзче [1]): «Только теперь, когда договоръ тройственнаго союза расторгнутъ, мы узнаемъ кое-что о его сущности. Цѣлыхъ 33 года онъ опредѣлялъ судьбы нашей внѣшней политики... Теперешнее положеніе дѣлъ въ этой области—явная нелѣпость; во внутренней политикѣ парламентъ во всемъ компентентенъ, въ самыхъ важныхъ и самыхъ пустяковыхъ вопросахъ. Во внѣшней же политикѣ его компентенціи довѣряются только вопросы, лежащіе на крайней периферіи общественныхъ интересовъ. Народъ имѣетъ голосъ, когда рѣчь идетъ о кормленіи скота или пріобрѣтеніи болотъ на рѣкѣ Конго.—Народъ не имѣетъ голоса, когда на цѣлыя десятилѣтія заключается договоръ между двумя имперіями, и когда, быть можетъ, рѣшается вопросъ о войнѣ и мирѣ, о процвѣтаніи или гибели цѣлой націи. Такъ было. Такъ не должно быть. По крайней мѣрѣ, этотъ урокъ должны вынести народы изъ войны...» «Berliner Tageblatt» предлагаетъ взять вѣдомство иностранныхъ дѣлъ подъ опеку наблюдательнаго комитета изъ представителей политическихъ партій. Наиболѣе категорически формулировано это требованіе въ одномъ изъ «вопросовъ» имперскому правительству, внесенныхъ Либкнехтомъ въ послѣднюю декабрьскую сессію рейхстага. «Извѣстно ли правительству, что масса нѣмецкаго народа желаетъ имѣть право самой опредѣлять внѣшнюю политику Германіи, требуя исключенія тайной ди-

[1]) Въ газетѣ «Die Welt am Montag».

пломатіи изъ иностранной политики, которая должна демократизоваться и стоять подъ постояннымъ общественнымъ контролемъ. Готово ли правительство въ нынѣшнюю сессію представить законопроектъ, который удовлетворялъ бы этимъ требованіямъ и предоставлялъ бы рѣшеніе вопросовъ объ объявленіи войны и заключеніи мира народному представительству?» [1]).

Демократизація внѣшней политики, высвобожденіе ея изъ подвальныхъ тайниковъ еще раньше, почти съ начала войны, глубоко заняли англійское общество. Парламентъ не можетъ удовлетвориться болыпе готовымъ фактомъ, а долженъ имѣть бдительный контроль, — настаивала печать различныхъ направленій. «Daily News», намѣчала и опредѣленные принципы будущей политики. «Никакой договоръ и никакое соглашеніе не могутъ быть заключены отъ имени Великобританіи безъ санкціи парламента. Долженъ быть организованъ постоянно дѣйствующій контроль надъ иностранной политикой. Иностранная политика Великобританіи должна имѣть цѣлью не созданіе соглашеній для поддержанія «равновѣсія державъ», а установленіе европейскаго концерта, совѣщанія и рѣшенія котораго должны быть *публичны*».

---

[1]) «Русскія Вѣдомости»—4 декабря 1915 года.

XII.

Установленіе европейскаго концерта, система взаимныхъ гарантій, взаимнаго кругового страхованія отъ вооруженныхъ столкновеній, на мѣстѣ прежнихъ дѣленій на враждебно-настороженные союзы, порою интересуетъ и русскую печать [1]). Но какой случайный характеръ носитъ этотъ интересъ, какъ изрѣдка, и точно крадучись, не на свое мѣсто, проскальзываетъ онъ на страницы нашей прессы. Едва ли есть сомнѣніе: международное право у насъ все еще не въ чести, о немъ попрежнему «неловко» заговаривать, рискуя встрѣтить кривыя улыбки. И это въ серьезномъ обществѣ. Что говорить о широкихъ кругахъ, гдѣ и до роковой войны всѣ эти вопросы почти не получали отклика. А вѣдь голое отрицаніе всего легче усваивается неосвѣдомленными умами.

Чтобы измѣнить положеніе, чтобы за голыми, часто неудачными формами заставить почувствовать трепетъ истинной жизни, концентрирующей самыя близкія, самыя настоятельныя нужды, необходима большая и безотлагательная работа. Собираются ли у насъ ее дѣлать? Къ сожалѣнію, мы такъ же далеки отъ этого, какъ и въ самомъ началѣ войны. И это въ то время, когда во всѣхъ другихъ странахъ уже давно идетъ кипучая дѣя-

---

[1]) См. «Рѣчь»—май 1915 года.

тельность. Не въ одной Англіи, гдѣ въ этихъ цѣляхъ используются трибуны, пресса, различные съѣзды и спеціальныя общества [1]). И въ Голландіи, Швейцаріи, Испаніи, и даже въ пріютившейся на чужой территоріи Бельгіи — всюду вопросы международнаго права, будущей междугосударственной организаціи встрѣчаютъ горячій интересъ и широкое вниманіе. Не дремлетъ и нашъ противникъ. Выросшая въ Германіи нѣсколько мѣсяцевъ назадъ лига «Новое Отечество» успѣла въ этомъ направленіи не мало. Кличъ — подготовка общественнаго мнѣнія къ трудамъ будущаго мирнаго конгресса — привлекъ къ проф. Шюкингу и такія имена, какъ Нипольдъ, Листъ, Ламмашъ, Дельбрюкъ. Обильная спеціальная литература,— поскольку ей не препятствуютъ цензурныя условія, — журналы, брошюры и листовки проводятъ задачи новаго общества. И ошибкой было бы однимъ разсѣяніемъ шовинистическаго угара объяснять это движеніе. Нѣтъ, въ гораздо большей степени здѣсь сказались уроки Англіи, сразу и безошибочно оцѣнившей этотъ моментъ, какъ одно изъ могучихъ условій побѣды.

Какъ ни велико наше презрѣніе къ международному праву, есть ли сомнѣніе, что «отрицаемое, даже уничтоженное сегодня, оно будетъ завтра снова признано и возстановлено»; есть ли сомнѣніе, что наступитъ моментъ, когда судьбы будущихъ международныхъ договоровъ будутъ рѣшаться не на остріѣ копья. Придемъ ли мы къ нему готовыми, съ сильнымъ организованнымъ мнѣніемъ, съ освѣдомленной печатью? Или за чуждыми терминами международнаго права мы проглядимъ тѣ огромныя, ре-

[1]) The Union of Democratic Control, The Cobden Club и Council for Study of international Relations.

альныя цѣнности, которымъ они только служатъ оболочкой.

Война народовъ неизбѣжно смѣнится конгрессомъ народовъ. Прозвучитъ ли убѣдительно и громко нашъ голосъ на немъ? Это зависитъ отъ насъ самихъ. И пусть не говорятъ, что это дѣло завтрашняго дня. Въ понятіе организаціи побѣды вмѣстѣ съ задачей осилить врага неразрывной частью входитъ и умѣнье использовать побѣду. Не съ одними военными успѣхами, но широко, планомѣрно и всесторонне подготовленными къ участію въ трудахъ мирной конференціи долженъ застать насъ завтрашній день.

Кіевъ, 15 декабря, 1915 г.

3 0112 058910206

Цѣна 50 коп.

Складъ издадія: *Петроградъ*, К-во «Огни». Фонтанка, 80, тел. 252-56. *Москва*, К-во «Задруга», М. Никитская, 29.